

Лариса Михайловна Карпова

Омский государственный педагогический университет, кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии, Омск, Россия
e-mail: larissee2005@mail.ru

«Новая этика» в контексте современной российской культуры: pro et contra

Аннотация. Статья посвящена проблеме выявления содержания и использования концепта «новая этика» в публицистической и философско-культурологической русскоязычной литературе последних лет. Автором выявляется внутренне противоречивая природа данного концепта, поскольку в нём русскоязычные авторы пытаются схватить то явление, которое возникло и активно развивается, прежде всего, в Западной Европе и которое там не имеет такого рода концептуальной вербализации. В статье показывается, что происходит смещение акцентов с обсуждения самих явлений «новой моральной чувствительности», которые тоже носят ценностно неоднозначный характер, на обсуждение концепта в его негативной коннотации. Автор разделяет позицию тех теоретиков, которые считают, что для этического самоопределения российского общества важнее сегодня направить фокус гуманитарно-исследовательского внимания не столько на термин, сколько на анализ явления, которое его породило.

Ключевые слова: «новая этика», новая моральная чувствительность, новый тоталитаризм, новый этикет, нетерпимость, насилие, толерантность, российская культура.

Larisa M. Karpova

Omsk State Pedagogical University, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Philosophy, Omsk, Russia
e-mail: larissee2005@mail.ru

“New Ethics” in the Context of Modern Russian Culture: Pro et Contra

Annotation. The article is devoted to the problem of identifying the content and use of the concept “new ethics” in the journalistic, philosophical and cultural Russian-language literature of recent years. The author reveals the internally contradictory nature of this concept, since Russian-speaking authors are trying to grasp the phenomenon that has arisen and is actively developing, primarily in Western Europe, and which does not have such a kind of conceptual verbalization there. The article shows that there is a shift of emphasis from the discussion of the phenomena of the “new moral sensitivity”, which are also of a value-ambiguous nature, to the discussion of the concept in its negative connotation. The author shares the position of those theorists who believe that for the ethical self-determination of Russian society, it is more important today to direct the focus of humanitarian research attention not so much to the term as to the analysis of the phenomenon that gave rise to it.

Keywords: “new ethics”, new moral sensitivity, new totalitarianism, new etiquette, intolerance, violence, tolerance, Russian culture.

Введение (Introduction)

Термин «новая этика» не просто востребован в российском публичном пространстве последних нескольких лет, он сверхактуален: ни одно обсуждение социальных проблем не обходится без обращения к нему. Этот термин (не являясь, собственно, в полном смысле слова, термином) идеологически насыщен. Более того, он оказывается источником бурных эмоций, можно сказать, что «новая этика» не только мыслится, но и переживается. Что стоит за этим словосочетанием, являющим себя как культурный концепт?

Поскольку этот термин выступает маркером, прежде всего, различных дискуссий в СМИ, на интернет-платфор-

мах, создается амбивалентное впечатление, с одной стороны, о его формально-логической нестрогости, «плавающем» содержании (что подчеркивается кавычками, сопровождающими его написание), а с другой — о его определенности и общезначимости. Это обстоятельство диктует необходимость поиска хотя бы приблизительного «рабочего» определения.

Начать целесообразно, на наш взгляд, не с анализа результатов философской рефлексии академического уровня, а с обращения к материалам скорее уровня публицистического, представленного большей частью в интернет-изданиях, публикациях не столько абстрактно-теоретического

характера, сколько практического, однако обладающего потенциалом непосредственного «схватывания» этических проблем, как известно, отнесенных И. Кантом именно к сфере практического разума.

Методы (Methods)

В статье используются ведущие приемы метода философской рефлексии: критико-аналитические процедуры, сравнение, определение, экспликация. Применены также метод интерпретации, идеи диалектики содержания и формы, сущности и явления на материале анализа текстов. Кроме того, используются элементы контент-анализа.

Литературный обзор (Literature Review)

Количество публикаций по теме «новой этики» в средствах массовой информации (СМИ) огромно, и оно продолжает расти, поэтому мы остановились на наиболее, на наш взгляд, репрезентативных. В то же время в научных академических изданиях этот концепт не представлен, чем и объясняется необходимость обращения автора статьи к текстам, размещенным в интернет-источниках: Википедии, на порталах газеты «Культура», журналов «Афиша», «Сноб» и др. Критерием отбора авторов стало наличие научного, аргументированного подхода в текстах современных исследователей, представителей различных видов социогуманитарного знания: историка Э. Россман, социолога А. Новкунской, философов А. Магуна, Э. Скидельского, М. Эпштейна. Кроме того, логика исследования привела к необходимости экспликации идей, содержащихся в книге психолога Э. Нойманна «Глубинная психология и новая этика», написанной в 1949 г., а переведенной на русский язык в 2008 г.

Результаты и обсуждение (Results and Discussions)

Популярность словосочетания «новая этика» в российском интернет-пространстве и отсутствие его дефиниции в академических энциклопедиях обусловили наше обращение, прежде всего, к Википедии. Своего рода определение искомого термина находим в этом популярном источнике, в статье, которая рассматривает «новую этику» как концепцию, появившуюся в России и описывающую политические, экономические и социальные мутации, происходящие в связи с глобализацией и распространением сети Интернет. Также отмечается ее тесная связь с движениями, характерными для стран Запада и США: «...феминизмом и движениями #MeToo, #яНеБоюсьСказать, BLM...» и т. п. [1].

Это определение не содержит никаких указаний на этические аспекты концепции «новой этики», не дает ответа на вопрос, в чём причина популярности указанной концепции в России, вместе с тем включает отрицательные оценочные характеристики, подчеркивая, что «новая этика» подразумевает бойкот и цензуру в отношении лиц, заподозренных в неуважении к каким-либо меньшинствам и позитивную дискриминацию в отношении групп, объявленных «привилегированными» [1]. В целом можно сказать, что объяснительный статус этого определения невысок. Однако в нём содержится важный момент, хотя не выраженный явно намек на определенную подмену: этикой обозначаются феномены, лишённые морального содержания.

Словосочетание «новая этика» в настоящее время популярно в русскоязычном медиапространстве и практически не встречается в западном. Это отмечают многие исследователи. Иначе говоря, вышеупомянутые социальные движения описываются этим термином только в России. Означает ли это, что он и сконструирован именно в русскоязычном пространстве?

Ответ на этот вопрос содержится в статье (опубликованной в интернете) историка Эллы Россман, которая на основе анализа наиболее значимых дискуссий в немецкоязычном, англоязычном, а также в российском сетевых пространствах исследовала процесс конструирования этого концепта [2].

Автор статьи указывает, что в немецкоязычном сетевом пространстве он связан, прежде всего, с первой волной немецкого феминизма на рубеже XIX и XX вв., с движением, которое носило название «Neue Ethik» («Новая этика»). Хелен Штёкер — основательница этого движения и ее соратники выступали за новое понимание любви во всех ее проявлениях, выдвигали лозунги либерализации сексуальности и эмансипации женщин. При этом «освобождение женщин описывалось как необходимое для того, чтобы семья держалась не на материальной зависимости жены от мужа, а в первую очередь на любви» [2].

Соглашаясь с Э. Россман в ее оценке связи этих идей с современными российскими дискуссиями как весьма косвенной, заметим, что всё-таки определенная этическая составляющая в идеях феминизма присутствует, поскольку поставлен вопрос о новом содержании (стандарте) некоторых традиционных (общепринятых) моральных норм.

Продолжая рассматривать немецкоязычное культурное пространство, исследовательница обращается к концепции, представленной после Второй мировой войны Эрихом Нойманном — немецко-израильским психологом. Осмысляя опыт Холокоста, который явил миру несостоятельность всех этических систем, которые были основаны на дуализме добра и зла, он предложил психологический проект, назвав его новой этикой, в духе глубинной психологии. Э. Россман отмечает, что причину несостоятельности старой этики Э. Нойманн усматривает в том, что «...бинарность [добра и зла] и однозначное отрицание всего “злого” заставляют человека отречься от темных начал в себе, от собственных деструктивных сил. Это не позволяет деструктивные силы приручить, а только “раздваивает” нашу психическую жизнь. Мы внутренне “разваливаемся” на две части, вытесняем или подавляем свою темную сторону, испытываем мучительную вину и ненависть к себе и утрачиваем собственную целостность. Иногда мы проецируем свою “тень” на других людей и наделяем их собственными “плохими” качествами, из чего произрастает деление мира на “своих” и “чужих”, “друзей” и “врагов”, а следом и агрессия и насилие к последним.

Нойманн писал, что человечеству нужна новая этика, которая позволит примириться со своей тенью, стать терпимыми к самим себе, с одной стороны, а с другой — принять ответственность за свои негативные качества. Как можно увидеть, Нойманн не описывал какое-то новое явление, он скорее доказывал необходимость его возникновения» [2].

В целом можно сказать, что содержание этого понятия в концепции Нойманна не имеет ничего общего с современными интерпретациями, однако, возможно, имеет смысл вернуться к нему.

Говоря об англоязычном пространстве, Э. Россман обращает внимание на использование концепта «новая этика» в дискуссиях в религиозных кругах, в которых это понятие приобретает отрицательные коннотации как угрожающее этике традиционной — христианской. Кроме того, рассматриваемый концепт оказался востребованным в дискуссиях консервативной ветви американского психоанализа, а также в исследованиях диджитал-культуры и новых технологий. Последние употребляют термин «новая этика» как узкоспециальный: для анализа влияния на повседневные коммуникации и разные профессии. Так возникает понятие «нового делового этикета», этики цифровой культуры и т. п. Автор подчеркивает важность этого контекста, поскольку он стал одним из источников, откуда понятие «новая этика» перекочевало в Россию [2].

Затем автор переходит к рассмотрению дискуссий о «новой этике» в русскоязычном пространстве, отмечая нарастание их накала, а также необоснованное употребление указанного концепта как якобы обозначающего глобальную социальную тенденцию, притом угрожающую, деструктивную [2]. Этим концептом, как пишет Э. Россман, «...маркируют множество разных явлений: новую волну российского феминизма, культуру отмены, борьбу с харрасментом и домогательствами, чрезвычайную "чувствительность" молодежи, обсуждение личных границ и травм, ...а иногда и любые виды коллективного действия, которые описываются с отсылками к советскому опыту парткомов и репрессий» [2].

В российском медиапространстве в период 2017–2018 гг. это понятие встречается на страницах журнала «Афиша» в дискуссиях о харрасменте; затем используется для обозначения группы практик в цифровом мире. Открывается спецпроект научно-популярного онлайн-журнала N+1 «Новая этика» подзаголовком «Добро и зло в эпоху цифровой революции» [2].

Россман отмечает, что до 2020 г. понятие «новая этика» не сопровождалось теми отрицательными коннотациями, которые оно приобрело в настоящее время в российском медиапространстве, причем как со стороны либеральных медиа и организаций, так и со стороны государственных и прогосударственных СМИ. Но если в государственных СМИ «новая этика» отождествляется с угрозой развращения со стороны Запада, то либеральные медиа видят в ней угрозу свободе личности [2].

Автор приходит к выводу о непродуктивности рассматриваемого концепта, причем не только в научных, но и популярных дискуссиях, поскольку он не только не способствует конструктивному обсуждению важных социальных проблем, но и упрощает сам подход к этическим проблемам, а кроме того, объединяет разные явления. Вместе с тем Э. Россман отмечает, что просто отменить этот термин невозможно, поскольку «...слишком благодатная почва была создана для него в России, слишком много струн оно тут задевает» [2]. Итак, автор убеждает нас, во-первых, в том, что концепт «новая этика» не является российским «изобретением»;

во-вторых, его использование в пространстве современной российской культуры приводит к необоснованному расширению его объема, а также сопровождается отрицательными коннотациями; в-третьих, он почему-то очень важен для российского культурного дискурса. Это вопрос, который ждет своего ответа.

Подчеркивая высокий уровень проделанной Э. Россман работы, всё-таки необходимо отметить то, что ею не была оценена по достоинству концепция новой этики Э. Нойманна. Она выбивается из представленной автором истории конструирования концепта, поскольку обращена от него к явлению (новой этике), которого не существует, но его можно создать, поскольку достаточные основания для этого имеются в самой человеческой психике. Здесь, на наш взгляд, содержится то, что оценил К.-Г. Юнг в предисловии к вышеназванной работе Э. Нойманна: значение нравственного чувства, которое оказывается забытым в чисто рациональных построениях основ новых этических систем [3]. Не разделяя в целом идей глубинной психологии, заметим, что имеет смысл, на наш взгляд, внимательно отнестись не только к идее нравственного чувства, но и к попытке Э. Нойманна представить этику в единстве индивидуального и коллективного.

От подхода историка обратимся к подходу, предложенному философом, к тем заслуживающим внимания тезисам, которые высказал Артемий Магун, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге, в интервью корреспонденту газеты «Культура». Его подход к концепту более радикален, чем подход историка. Прежде всего, он предлагает заменить термин «новая этика» «новой моральной чувствительностью» (НМЧ) или даже «новой моральной аллергией» (НМА) [4]. Эта «чувствительность», как считает автор, связана с жесткими формами общественной морали, сложившимися в истории США, с «тиранией большинства», речь идет о таком типе культуры, который противоречивым образом сочетает индивидуализм и нетерпимость к чужому мнению. В этой культуре «...через предписания новой чувствительности вводятся различные запреты, за нарушение которых предполагаются санкции, иногда и очень жесткие» [4]. Далее, он предлагает ограничить эту моральную чувствительность уровнем этикета, не превращая этикет в этику. «Речь идет, по сути, о новых стандартах вежливости и критериях невежливости, возникают новые коды» [4]. А. Магун четко формулирует свою позицию, которая заключается в том, что «...нужно всегда перенимать только самое здоровое в этой "этике" и использовать именно как основу для этикета, но не делать из этого нравственные предписания. Нужно учиться блокировать массовую моральную панику, потому что она попросту вредна. Нужно указывать на моральную сомнительность бойкота и травли» [4]. Философ предлагает, по существу, решать этические проблемы путем воспитания: «...новая задача и даже императив — выстраивание новых ритуалов и обучение вежливости. <...>

Так, например, в США успешно внедрены некоторые ритуалы общения незнакомцев. Люди здороваются на улицах, спрашивают «как вы поживаете?» — это, на мой взгляд, очень позитивная черта, свойственная американ-

скому и европейскому обществам. Это тоже этикет. Но это и уже преодоление отчуждения, свойственного современному человеку» [4]. Российской интеллигенции А. Магун предлагает «...организовывать соответствующие кампании и учить людей вежливости, а не раздувать темные варварские страсти преследования грешников» [4]. Этот дискурс интересен тем, что он задает вектор движения от явления к сущности, от концепта к действительности, репрезентированной им, пролагая тем самым необходимый путь философской рефлексии. Вместе с тем упование на спасительную роль этикета в условиях разрушающихся основ этических ценностей в российской культуре, да и во всем мире, на наш взгляд, несостоятельно.

Ответ на вопрос, что стоит за движениями «новой этики», какие культурные (идеологические) трансформации, был дан в получившей большой резонанс статье британского философа, преподавателя Эксетерского университета Эдварда Скидельского, который обнаружил в дискуссиях о «новой этике» черты тоталитарного мышления и тоталитарных общественных практик, несовместимых с самим духом демократии. Он отмечает, что сегодня любому человеку необходимо соблюдать большую осторожность, высказывая свою точку зрения «...по вопросам трансгендерности, расы, инвалидности, политической ситуации на Ближнем Востоке, а также по целому ряду других вопросов...», поскольку он подвергает себя риску быть оскорбленным, потерять работу, предстать перед судом в случае, если его точка зрения не совпадет с общепринятой [5].

По его мнению, «новая этика» обернулась «новой нетерпимостью», основу и корень которой Скидельский усматривает в тоталитаризме, но не в традиционном его понимании как характеристики государственного режима, а «...в более широком смысле — для описания образа мыслей и общего стиля политической борьбы» [5]. Этот образ мышления характеризуется, прежде всего, нетерпимостью к чужим взглядам, позициям и т. п., которая, конечно, существовала и ранее в истории как предшественница установления тоталитарных режимов (здесь Скидельский приводит пример фашистской Германии и советской России). «Все эти стратегии запугивания и подавления инакомыслящих возродились к жизни в последние годы. При этом люди, стараниями которых они возрождаются, часто даже не подозревают о нацистских и большевистских корнях подобных методов» [5]. Причину такой черты тоталитарного мышления в современном общественном сознании философ обнаруживает «...в той мутации (практически никем не замеченной), которую в последние годы претерпела концепция толерантности» [5].

Скидельский напоминает, что толерантность в классическом смысле означает «...одновременное признание двух положений: 1) идея или практика может быть неверной; 2) любая идея и практика имеет право на существование» [5]. Эти два положения определяют непростую задачу осуществления принципа толерантности на практике: необходимо ради диалога преодолеть стремление немедленно искоренить ту практику, которая представляется кому-то неверной, оставив за собой право ее критики на основе объективной аргументации. Свободная публичная дискус-

сия — основа демократического общественного диалога, это, можно сказать, стало аксиомой.

Однако, как подчеркивает Скидельский, в настоящее время произошла трансформация классической концепции толерантности в концепцию «приятия», которая «...требует от нас безоценочного, безоглядного принятия всего спектра самых разных жизненных позиций и идентичностей» [5]. Философ убедительно показывает, что такое радикальное истолкование толерантности приводит к новой форме нетерпимости, новому тоталитаризму, поскольку от человека требуется обязательное «приятие», исключающее всякое сомнение и критику. Если же человек не признает «приятия», не проявляет абсолютной лояльности, то он не только не заслуживает терпимого к нему отношения, но и должен быть наказан [5]. Примеры подобных практик в современной культуре представлены достаточно широко в Европе и США — от осуждений и оскорблений в интернете, увольнений людей с работы за «нелояльные» высказывания до протестных движений, выливающих в уличные беспорядки и уничтожения памятников материальной культуры.

От внимания Скидельского не ускользнуло и то, что эта волна захватила и интеллектуальную элиту: вопреки ожиданиям от профессоров, например, британских университетов противодействия этой новой нетерпимости можно сегодня наблюдать их деятельность, направленную на внедрение концепции «приятия», причем не в форме публичной свободной дискуссии, а в форме настойчивого требования обязательного согласия с определенными догмами, отказ от которого грозит подрывом репутации и даже служебным расследованием. Понятно, что всё это порождает атмосферу страха и унижения, которая противоречит самому духу университета. Концепция «приятия» распространяется и на университетские учебные программы: многие британские университеты вдохновились идеей «деколонизации» учебных планов, что на практике означает «...как минимум увеличение числа “небелых” писателей в списках изучаемых авторов, а по максимуму — попытку уделить равное количество времени западной и незападной традициям. В определенном контексте обе эти цели выглядят вполне разумно» [5]. Скидельский однако опасается, что реализация этой разумной идеи имеет тенденцию к некритичному и даже насильственному внедрению в практику преподавания положений, далеких от науки, в угоду политической конъюнктуры.

Позицию Эдварда Скидельского подвергла критике социолог Анастасия Новкунская, которая не разделяет его опасений, считая, что обсуждаемые им тенденции и движения не угрожают демократии и не ведут к деструктивным общественным трансформациям повсеместно, к примеру, «в России дело обстоит иначе на институциональном уровне. До сих пор не принят закон о гендерном равенстве... закон против домашнего насилия, а в поправках к Конституции можно заметить поворот к консерватизму и неорационализму» [6].

Соглашаясь с этим критическим тезисом, следует подчеркнуть, что Скидельский обращает наше внимание на сферу морали, на те противоречия между содержанием этических идей и требований отдельных социальных групп и формой их воплощения в практиках коммуникации,

которые не могут быть успешно решены в правоприменительных практиках. По сути дела, философ обращается к вечной проблеме соотношения цели и средств, не формулируя ее явно.

Кроме того, подчеркивает А. Новкунская, феномен под условным названием «новая этика» отсутствует в России, хотя проблемы неравенства, нетерпимости, насилия, дискриминации существуют в современной российской действительности и требуют публичного обсуждения, стимулировать которое может осмысление указанного социального феномена [6].

Определенное созвучие с идеями и опасениями Э. Скидельского находим в размещенной буквально на днях на портале журнала «Сноб» статье известного философа Михаила Эпштейна под «говорящим» названием «Новая этика или старая идеология?» [7]. Автор считает, что, поскольку идиома «новая этика» возникла в России, ее содержание необходимо рассматривать в контексте российской истории. Реалии ее свидетельствуют о необходимости нравственного обновления общества и в то же время о существующей опасности подмены этики идеологией. М. Эпштейн, по сути, деконструирует концепт «новой этики», выявляя ее позитивные установки, те ценности, которые составили многовековую традицию гуманизма, они широко известны и не являются изобретениями новой этики. Носители же последней сочетают эти ценности с нетерпимостью и рессентиментом. Содержащиеся внутри «новой этики» противоречия разрушительны, они превращают этику в антиэтику. Этому способствует и такое социальное явление, как институционализация этики, которая берет на себя несвойственные ей функции слежки за нравственным поведением и функции наказания за нарушение нравственных норм. Автор приходит к выводу о том, что надо перестать называть этикой то, что ею не является. Под псевдонимом новой этики оказывается идеология. Именно под видом этики идеология легче внедряется в общественное сознание. Философ формулирует простое правило, позволяющее отличать этику от идеологии, определяя своего рода различные векторы направленности: вектор этики направлен к совести, к чувству вины, к прощению и раскаянию каждого человека. Вектор идеологии направлен к массе, коллективу. Вместо совести — самосуд, остракизм, политика отмены. М. Эпштейн утверждает позитивное содержание новой эти-

ки, без кавычек, которое возникает в результате очищения этики от того, что ею не является. Философ формулирует правило нравственности на смену «золотому», которое он называет «алмазным», в котором «...сама единственность индивида становится универсальным критерием этического действия. Поступать так, чтобы твои *наибольшие способности* служили наибольшим потребностям других. Возможна ли этика, которая учитывала бы именно разность людей, вступающих в нравственное отношение? Мне представляется, что именно в этом направлении наибольшей индивидуации будет складываться *новая этика*» [7].

Заключение (Conclusions)

Концепт «новая этика», являясь сверхактуальным, обладает такой же сверхнеопределенностью, настолько широким объемом, что создается иллюзия его общепринятости в российском публичном пространстве. Это обуславливает актуальность его экспликации, материалом для которой явились тексты публицистического и философско-культурологического характера, представленные в интернет-источниках. Исторический анализ конструирования этого концепта позволяет обнаружить его использование в немецкоязычном и англоязычном сетевых пространствах, однако не имеющего там такого противоречивого содержания и отрицательной коннотации, какие обнаруживаются в российском. Философское осмысление позволяет выявить за противоречивостью концепта противоречивость тех социальных явлений, которые им репрезентируются. Помещенные в фокус философской рефлексии, известные общественные движения, которые в русскоязычном пространстве маркируются как этические, в действительности чреватые новыми формами тоталитаризма, тоталитаризма мышления. Обнаруживается противоречие целей и средств: моральные цели осуществляются аморальными средствами. Критико-рефлексивный подход позволяет вскрыть подмену этики идеологией в концепте «новая этика». Необходимость действительно новой этики (без кавычек) ощущается в российском культурном пространстве очень остро, свидетельством тому являются непрекращающиеся дискуссии.

Предпринятая попытка исследования может стать начальной ступенью более основательных философско-культурологических изысканий.

Библиографический список

1. Новая этика (Россия) // Википедия : свободная энциклопедия. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Новая_этика_\(Россия\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Новая_этика_(Россия)) (дата обращения: 26.07.2021).
2. Россман Э. Как придумали «новую этику»: фрагмент из истории понятий // Сигма : [сайт]. 2020. 27 сент. URL: <https://syg.ma/@ella-rossman/kak-pridumali-novuiu-etiku-fraghment-iz-istorii-poniatii> (дата обращения: 16.07.2021).
3. Юнг К.-Г. Предисловие // Нойманн Э. Глубинная психология и новая этика. М. : Азбука, 2008. С. 10–16.
4. Сысоев Т. Философ Артемий Магун: «Новая этика» — это не про культурность, а про «новую моральную аллергию», которая пришла к нам из США // Культура : сайт газеты. 2021. 26 февр. URL: <https://portal-kultura.ru/articles/world/331659-filosof-artemiy-magun-novaya-etika-eto-ne-pro-kulturnost-a-pro-novuyu-moralnuyu-allergiyu-kotoraya-p> (дата обращения: 05.08.2021).
5. Эдвард Скидельский о тоталитарной природе новой этики // LiveInternet : сайт. 2021. 18 февр. URL: https://www.liveinternet.ru/community/lj_podosokorskiy/post481083099 (дата обращения: 05.08.2021).
6. Афанасьева Н. Тоталитарна ли «новая этика»? Обсуждают философ и социолог // Афиша Daily : сайт. 2021. 19 февр. URL: <https://daily.afisha.ru/infoporn/18867-totalitarna-li-novaya-etika-obsuzhdayut-filosof-i-sociolog> (дата обращения: 20.07.2021).
7. Эпштейн М. Новая этика или старая идеология? // Сноб : сайт. 2021. 10 авг. URL: <https://snob.ru/profile/27356/blog/400089> (дата обращения: 10.08.2021).

References

Afnas'eva N. (2021) Totalitarna li "novaya ehtika"? Obsuzhdayut filosof i sotsiolog [Is the "New Ethics" Totalitarian? Discussed by Philosopher and Sociologist]*, *Afisha Daily [Afisha Daily]*. Available at: <https://daily.afisha.ru/infoporn/18867-totalitarna-li-novaya-etika-obsuzhdayut-filosof-i-sociolog/> (accessed: 20.07.2021). (in Russian)

Ehdvard Skidel'skii o totalitarnoi prirode novoi ehtiki [Edward Skidelsky on the Totalitarian Nature of the New Ethics]*, *LiveInternet*. Available at: https://www.liveinternet.ru/community/lj_podosokorskiy/post481083099/ (accessed: 05.08.2021). (in Russian)

Ehpshtein M. (2021) Novaya ehtika ili staraya ideologiya? [New Ethics or Old Ideology?]*, *Snob [Snob]**. Available at: <https://snob.ru/profile/27356/blog/400089/> (accessed: 10.08.2021). (in Russian)

Novaya ehtika (Rossiya) [New Ethics (Russia)]*, *Wikipedia*. Available at: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Новая_этика_\(Россия\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Новая_этика_(Россия)) (accessed: 26.07.2021). (in Russian)

Rossman Eh. (2020) Kak pridumali "novuyu ehtiku": fragment iz istorii ponyatii [How the "New Ethics" Was Invented: A Fragment from the History of Concepts], *Sigma [Sigma]*. Available at: <https://syg.ma/@ella-rossman/kak-pridumali-novuiu-etiku-fragment-iz-istorii-poniatii> (accessed: 16.07.2021). (in Russian)

Sysoev T. (2021) Filosof Artemii Magun: "Novaya ehtika" — ehto ne pro kul'turnost', a pro "novuyu moral'nuyu allergiyu", kotoraya prishla k nam iz SSHA [Philosopher Artemy Magun: "New Ethics" is Not About Culture, but About the "New Moral Allergy" that Came to Us from the USA]*, *Kul'tura [Kultura]*. Available at: <https://portal-kultura.ru/articles/world/331659-filosof-artemiy-magun-novaya-etika-eto-ne-pro-kulturnost-a-pro-novuyu-moralnuyu-allergiyu-kotoraya-p/> (accessed: 05.08.2021). (in Russian)

Yung K.-G. (2008) Predislovie [Preface]*, *Glubinnaya psikhologiya i novaya ehtika [Deep Psychology and New Ethics]**. Moscow, Azbuka Publ., pp. 10–16. (in Russian)

* Перевод названий источников выполнен автором статьи / Translated by the author of the article.